СОЛДАТ И ВОЙНА

Александра Яковлева призвали в армию 24 декабря 1994 года. Драматический месяц в новейшей истории России. Войска уже находились на подступах к Грозному, где скоро начнутся ожесточенные бои.

Но пока сын находился в городе Коврове, а Елена Ивановна привыкала к ожиданию писем. *«Я учусь на наводчика-оператора БМП, командира отделения. Мы ездили на стрельбище, я стрелял из пушки и пулемета. В армии не так плохо, как рассказывают. Просто надо слушать старших и не лезть, куда не надо. Скоро убываем на Гороховецкий учебный полигон»*, — написал Александр в одном из первых писем.

Елена Ивановна вчитывалась в письма сына и пыталась представить его с оружием. Как незаметно пролетело время! Казалось, еще недавно он не мог прочитать по слогам слово. Маленький мальчик плакал, и вместе с ним плакала бабушка. А теперь он — солдат!

Но в те январские дни 1995 года привычное слово «солдат» стало ассоциироваться с другим словом — «война». Бои в Грозном, которые показывали по телевидению, вызывали в душе смятение и тревогу. Она видела молоденьких бойцов, ровесников сына, которые выходили из боя. Они еще до конца не верили, что выжили в этом аду.

Но сын служил в мирном Коврове. Страх отступал, хотя и настораживали некоторые строчки его писем: *«В нашей роте уже пятнадцать человек написали рапорт о направлении в Северо-Кавказский военный округ, один — в Чечню. Правильно — или траву косить, или пострелять на войне»*.

Весной 1995 года случилось невероятное — Елена Ивановна потеряла сына. Он завершил службу в «учебке» и... пропал на пять месяцев. Мама солдата обращалась во все инстанции. В Екатеринбурге при штабе округа работала «горячая линия», но рядовой Яковлев в списках погибших в Чечне не значился. Она догадывалась, что он там, на войне. Потом это подтвердила мама девушки Алены, с которой дружил Саша. «Время было такое. Я думала, он от войны не уйдет», — с грустью говорит сегодня Елена Ивановна.

В сентябре 1995 года она, наконец, получила от сына долгожданное письмо. Он извинялся, что долго не писал. Хотя и сам был удивлен тому, почему его два письма не дошли. Не имея возможности скрывать правду, Саша стремился успокоить маму: *«Теперь я в разведке служу и не жалуюсь. Боевые действия здесь закончились, и вроде войны-то не было. Нас заставляют ходить строевым шагом и по нарядам. Правда, бывает, что выезжаем на сопровождение колонн, сутками в свои палатки не попадаем.*

Мне тут письмо пришло от бабы Зои. Как и ты, она тоже переживает, плачет, жалуется, отчего на душе плохо становится. Что вы все так волнуетесь, все будет нормально. Я же не в пехоте служу. Нас вперед не кидают. Мы живем тихо, спокойно».

Правда, иногда Александр проговаривался: *«К нам поступает пополнение из «учебок». Но сейчас сюда не так страшно ехать, как в апреле 1995 года»*. Но ведь именно тогда он и попал в Чечню. Значит, все его письма о тихой и спокойной службе не соответствуют действительности. Выстрелы в Грозном не были слышны в Челябинске, который находился от чеченской столицы за тысячи километров. Если бы маме солдата довелось почитать сводки, она поразилась бы тому, насколько «спокойно» было в Грозном, где каждый божий день случа-